

Михаил Билинкис

Ленинград

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII СТОЛЕТИЯ

Ссылаясь на французского исследователя Георга Миша, И. Кош пишет, что в европейском средневековье авторы даже и автобиографических произведений "видели в себе автономную индивидуальность, реализующую свой внутренний мир, а воплощение общей категории, описываемой посредством определенного набора штампов"¹. Сходная ситуация существовала и в России первой половины XVIII века. В примечаниях к рукописи Истории императора Петра Великого от рождения его до полтавской баталии Прокопович пишет: "Что кто и сам о себе пишет повесть, то /по множайшим честнейшим таковым авторам обычаем/ пишет не в первом лице "я" или "мы", но в третьем, чего имеем образы и примеры, как в священном писании в книгах Исхода, Левит, Числ и Второзакония, которые Моисей писал: не говоря о себе "Моисей" в своем лице, но аки иной некто /.../ А из историков внешних Иулий Цесарь, дела свои описуя, пишет в третьем лице, например: Цесарь повелев /Цесарь устроив войнство и проч./"².

Идеальный автор /Моисей/ идеального текста /Библия/ собственно и не является его автором. Он лишь "переводчик". Потому и не произносит "я", что истинный и единственный автор

текста и всех текстов реальности - Бог. Любое повествование в принципе должно быть безличным. Когда русский европеец дипломат князь Куракин пишет: "И так был innamorato, что не мог ни часу без нея быть, которая коштowała мне в те два месяца 1000 червонных. И расстался в великую плачь и печаль, аж до сих пор из сердца моего тот amor не может выдти"³, - это выглядит как нарушение классицистических канонов, литературных и поведенческих⁴. Но кроме Жизни ... у князя Куракина существуют записи о русско-шведской войне. Они писаны от третьего лица, хотя Куракин был участником этой войны. И здесь естественным образом нам придется разобраться: кто? о чем? и как? мог и должен был писать, в первой половине XVIII века.

Человек первой половины XVIII века точно определен в пространстве современной ему культуры. При этом зафиксированные письменными текстами правила осознаются как полученные свыше и распространяющиеся на все земное бытие⁵. Вертикально расположенная иерархическая структура для человека той поры вполне реальна. Понятия "выше", "ниже" вполне конкретны и материальны⁶. Более "высокое" расположение означает большую близость к "вершине-богу", возможность обладать большим знанием, а отсюда и правом руководить, как воздействуя на "низких" при непосредственных контактах, так и создавая "грамматики" поведения. Наивысшая из них - указ, ибо он исходит от государя /по крайней мере теоретически/, который может создать наиболее "правильный" из земных текст⁷, а значительно более "низкая" - любой другой /в том числе и литературный/ текст.

"Теория "трех итилей", - пишет современный исследова-

тель, - традиционно рассматривается как лингво-стилистическая и редко привлекается к рассмотрению как эстетическая концепция. Между тем, в рамках этой теории в России впервые была обоснована множественность реальностей как один из конструктивных признаков текста. И в этом смысле она является не только специализированным аппаратом и инструментом риторики /как когда говорящего, создающего/ в сферу герменевтики /как когда слушающего, кода понимания/⁸. Сформулированная теория позволяет осуществлять контакт между реальностями "различных рангов" при помощи автора, знающего более, чем один язык⁹. При этом "перевод" осуществляется "сверху" "вниз", от прежде бывшего, т.е. менее испорченного, а значит, более правильного, к сегодняшнему и т.п. Возможность же обладать той или иной степенью знания для автора определяется местом, которое он занимает в иерархии бытия. Куракин отмечает, что жанр, в котором он создает свою Жизнь ..., обычен для "высших так средних и самых влиятельных персон". Поэтому князь Куракин берет-ся за создание текста, хотя и "второстепенного", который создается "от нечего делать". Куракин, пишущий от первого лица, всего только князь¹⁰, и его "я" в принципе не может быть предметом рассмотрения. В соответствии с классицистическими принципами Куракин ссылается на образец, но образец этот находится вне системы русского классицизма, он принадлежит к той культуре, где уже произнесено: "Что такое я?"¹¹ и где популярнейшими стали мемуары и письма.

В России первой трети XVIII века "как бы совпадают эпохи абсолютистской государственности и Ренессанса, которые

в Западной Европе разделены во времени"¹². Одно из главных требований классицизма об ориентированности на западные образцы сыграло с русским классицизмом дурную шутку, ибо современный ему Запад был уже не классицистическим, и, чтобы избежать противоречия, в произведениях, включенных в систему "поэтических родов и видов", авторы ссылаются на внероссийское давнопрошедшее¹³. Вместе с тем в России существовала принципиально и безуспешно отрицавшаяся традиция русской литературы XVIII века, которая "поставила в центр своих исканий человека. Она ему служит, ему сочувствует, его изображает, в нем отражает национальные черты"¹⁴.

Если говорить о классицистическом или неклассицистическом характере Жизни ... Куракина, созданной в начале 10-х годов XVIII века, то следует иметь в виду классицизм как принцип мировосприятия, уже подготовленный и в значительной мере сложившийся, но в России еще не полностью сформулированный. Однако, коль скоро Россия - "Европия" /и это принципиальное положение/, а в Европе теория классицизма уже сформулирована, и в России она известна, то "переложение"¹⁵ Феофана Прокоповича на первых порах может удовлетворить современника. При нужде же он вполне может обратиться к французским и античным /на которые, как правило, ссылаются Буало, Я. Погтан и другие/ первоисточникам.

Перенесение европейских правил общежития в Россию предполагало, что эти правила охватывают все сферы жизни, в том числе и литературу. Поэтому на рубеже XVIII и XIX веков для русского стиха едва ли не обязательной становится силлабика¹⁶, по-

добно тому, как для русского человека этой нормой становится обязательным европейский камзол и туфли на высоких каблуках, поэтому Петр I привозит в Москву труппу Кунста и устраивает на Красной площади "театральную хоромину", в которой должны идти пьесы, "передающие" петровские указы на язык более "низкой" реальности. Но театральная хоромина, в которую непривычные к подобным зрелищам москвичи ходили плохо, сгорела. С литературой дело обстояло сложнее.

К началу петровских времен за плечами русской литературы уже существовала многовековая традиция, отражавшая мировосприятие русского человека и воздействующая на него. Но монополия на образование и просвещение со всеми вытекающими отсюда последствиями была в руках Нового Государства, и старой литературе оставалось либо приспосабливаться к новым условиям, пережидая произведения, полюбившие Повести об Александре Российском дьяконе, Гистории о Российском матросе Василии Корнотском и тому подобное с модернизированной лексикой и героями¹⁷, либо "исчезать", "уходя", например, в фольклорные жанры¹⁸.

Письменный рассказ Куракина о самом себе мог возникнуть на скрещении нескольких тенденций: 1. Традиция древнерусской литературы с ее оформившимся к концу XVII столетия интересом к человеческой личности¹⁹. 2. Новые типы повествования в современной Куракину западноевропейской литературе. В центре подобных повествований была активно действующая личность буржуазного толка, на которой и сосредотачивал автор свое внимание. В своей конструкции такой текст был ориентирован на максимальное выявление внутренних качеств этой личности /романы Д. Дефо

Рексана, Робинзон Крузо и другие, подобные им/. 3. Декларировался в петровскую эпоху необходимость развивать внутренние возможности отдельного человека, хотя и приводя их в соответствие с потребностями государства. Частное здесь полностью детерминировано общим, хотя и значимо.

Куракин воспитывался на рубеже ХУП и ХУШ веков, когда первая из указанных тенденций была достаточно сильна. Затем многолетняя дипломатическая служба и жизнь за границей воспитала в Куракине европейское сознание. Интерес русской литературы конца ХУП века к человеческой личности не противоречил этому.

Вернувшись из-за границы к 10-м годам ХУШ века, Куракин "привозит" с собой мемуарный жанр. Это не противоречит распространенному принципу заимствования, но в петровском государстве, утверждавшем и абсолютизирувавшем общее в противовес личному, возможности для создания произведений, описывающих человека как такового, были минимальными в силу прежде всего внутренних обстоятельств. Мемуары Куракина оказываются фактом, у которого отсутствуют возможности для превращения в тенденцию. "Продолжение" собственно-мемуарного жанра мы можем найти лишь у авторов последующих времен, отделенных от Куракина значительным промежутком, в то время, когда в русской культуре возникают новые веяния.

По-другому складывалась судьба документальных повествований типа Записок о русско-шведской войне. Это тексты, включенные в принципиально иную систему. В центре подобных записок находится не личность, а достойные фиксации события, которыми могут являться дела государственные, физические явления и тому

подобное, а их автор фактически оказывается посредником между реальностью и постигающим ее читателем. Хронологическими рамками таких записок является время протекания одного какого-либо события. Более пространные документальные описания, стремившиеся к охвату русской истории в целом, начинают появляться после смерти Петра 1. И здесь использовался опыт авторов записок начала века.

И И И

Современные исследователи показывают, что для эпохи правления Петра 1 "характерно принципиальное /.../ отходство государственного управления с реформаторством, причем в само понятие "реформа" вкладывается эсхатологический смысл: "реформа" имеет целью не частичное улучшение конкретной сферы государственной практики, а конечное преобразование всей системы жизни"²⁰.

Со смертью Петра 1 в 1725 году течение жизни "останавливается" и по существу до 1762 года единственной "точкой отсчета" будет "бог-Петр"²¹ и созданное им совершенное и завершенное здание общественного устройства²². Именно здесь возникают возможности для описаний "окончательно" созданного мира.

В 1732 году выходит Предложение об улучшении русской истории посредством печатания выпусками сборника различных известий, относящихся до обстоятельств и событий в Русском государстве Г. Ф. Миллера, в 30-е же годы Татищев начинает писать свою историю, пояснив, что "причина начатю сего моего /Татищева - М. Б./ труда хотя от графа Брюса, как ниже показано, но

продолжении так многому снисканию и произведению главнейшее было желание воздать должное благодарение вечной славы и памяти достойному государю его императорскому величеству Петру Великому ..."²³. В 1740-е годы Миллер пишет Историю Сибири. Чуть позже начинает работу над историей и Ломоносов.

Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Я. А. Марковича начинаются как продолжение хронологических заметок полковника П. Л. Полуботка²⁴, в которых отражены важнейшие, с его точки зрения, исторические события, начиная с 1452 года. С 1648 по 1716 год учтены важнейшие для Малороссии события каждого года. С 1716 года начинает свои записи двадцатилетний Я. А. Маркович, который был зятем Полуботка.

До 1723 года записки Марковича ничем не отличаются от записей Полуботка. Это тот же свод важнейших событий за год. С 1723 года, когда начинается новая тетрадь, начинаются подневные записи, содержание которых составляют события, связанные с борьбой Марковича за влияние /финансовое и политическое/ среди малороссийской старшины, взаимоотношения с центральной властью и так далее.

В то же время Маркович занимается собиранием книг по философии, богословию, истории. В своем дневнике он записывает: "Книги, в Ромне оставленные, пересматривал и оказалось: богословских 21, философских 12, исторических 10 ..."²⁵, "Заехал до прилучан, панов Федора, Герленка и проч., где книжку писаную летописную взял для прочета и приехал до своих наметов"²⁶. Вслед за этой записью в дневнике Марковича помещены пространные выписки из упомянутой книги, которые начинаются неясне-

нием, "откуда пошли козаки": "Козаки от реки, прозываемой Козара, назывались перво Козарами, а со временем прозваны козаками"²⁷. Далее в выписках основное внимание уделяется войнам Хмельницкого, его личности. И наконец, в 1726 году, во время похода на Касний, Маркович записывает: "Начал до брата Семена писать историю похода"²⁸.

Если учесть, что к дневнику Марковича им самим прилагались копии указов, декретов, газетных сообщений и других документальных материалов, то можно с уверенностью сказать, что по крайней мере до середины 30-х годов XVIII века /документальные приложения к Запискам после 1735 года отсутствуют/ Дневные записки малороссийского подскарбия развертываются как подготовительные материалы для будущего исторического труда, при этом "точкой отсчета" в данном случае мог оказаться Хмельницкий.

Пафос "сохранения" истории просматривается и в Записках Василия Александровича Нацокина, на титульном листе которых рукой автора написано: "Записки Василия Александровича сына Нацокина, что мог видеть от времен памяти своей о рождении по достоверной записи руки отца своего Александра Федоровича, и какие случаи достопамятны, в которых годах что происходило, явствует в нижеписанном журнале, что уверяю сей журнал подписано руки моею по листам в книге сей"²⁹. Записки начаты Нацокиным, очевидно, в конце 40-х годов, так как только с 1749 года записи точно датируются. В более ранних записях идет рассказ о знаменательных событиях за год в целом.

Курский помещик И. П. Аннежков с 1751 года начинает

вносить в свой журнал записи о событиях общерусского значения: "Октября 21 дни в Кронштадте была знатная перемена, при большом, сделанном для вводу к починке кораблей преславном канале, который по зачатию императором Петром Великим до сего времени строением продолжался и великим издивением окончен. В Санкт-Петербурге от случившихся с моря погод несколько было наводнений. А особливо 21 октября было великое, от которого множество товаров и хлебных припасов помокло"³⁰.

В 1754 году Ашкенков заказывает копии Степенных книг, параллельно приобретая книги по истории. С этого года в журнале появляется рубрика: "в сем году состоялись и публиковались указы".

История не только описывает оформившийся идеальный мир, но и определяет его место в историческом пространстве. Для людей этой поры историческое развитие России представляет собой нечто вроде длинного коридора, в начале которого Творец, а в конце Петр 1. В больший или меньший хаос, царящий посредине, открываются двери-контакты с Западом, - которые увеличивают или уменьшают беспорядок, но в целом способны скорее помешать, чем помочь установлению конечной гармонии. Порядок, установленный Петром, единственен, совершенен, и в этом смысле конец /Петр/ равен началу /Творцу/.

По Тредиаковскому, при начале мира был сотворен не просто человек, но "словенин": "имя первого человека повествуется не Адам, но Миха /муж/, а первая жена не Ева, но Микина: что точно ж есть по Словенски Мужана, как бы человецица или мужу жена /.../ по свойству Словенского языка"³¹. Словенский язык

оказывается самым древним языком: "Первый Словенский от слова или словесности³², и сей, по моему есть первействующий как произшедший многие языки в последовательных Иафетовых племенах". Далее у Тредиаковского следует: "Славенский, а сей уже от славян, который есть сын первоходный Словенского языка, названный по вланным военным действиям народу, употреблявшему оный"³³.

Варяги, по Тредиаковскому, произошли от Россов, имя же Росс - древнееврейского происхождения³⁴, а древнееврейский язык - ветвь языка словенского. Тредиаковскому во что бы те ни стало надо доказать первородстве русской культуры, и когда не получаются даже самые фантастические построения, он просто утверждает: "как то ни есть, только Цимбры народ есть Целтескитфский, и слово Цимбры кажется быть словенское"³⁵.

Используя вполне произвольную методику, Тредиаковский доказывает, "что вся древняя Европа была первоначально заселена славянами, а варяжские князья были славянами Скандинавии, прибывшими к славянам Новгорода"³⁶. Нетрудно представить, что доказательство славянского "первородства" было важно для Тредиаковского не столько как полемика с байеровской теорией норманского происхождения Рюриковичей, сколько как утверждение "первоначальности-правильности", "неиспорченности" людьми и временем русского государства. В этом смысле очень логичен поворот Тредиаковского к "славенизму" в его литературных штудиях, поворот, который был начат введением тонического /как свойственного старому русскому стиху/ принципа в систему русского стихосложения и был закончен требованиями "очистить" русский язык³⁷, чтобы по сути дела требованием архаизировать его.

Пушкин замечал, что "в царствовании Петра 1 начал он /русский язык - М. Б./ приметно искажаться от необходимости введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространила свое влияние и на писателей /.../ к счастью явился Ломоносов /.../. Слог его, ровный, цветущий, живописный, заимлет главное достоинство от знания книжного славянского языка и от счастливого слияния его с языком простонародным"³⁸. Совершенно очевидно, что и стремление Ломоносова к созданию нового литературного языка на базе прежде всего языка русского и славянского, и заметная архаизация языка У-й сатиры Кантемира в сравнении с языком его же сатиры 1-й³⁹, и логичное и своей устремленности к прошлому движение Тредиаковского были "земной" реализацией представления о "правильном" мироустройстве, которое существовало в сознании человека той поры. И Разговор о пользе книг церковных Ломоносова был прямой отсылкой к достойному подражания образцу /язык бога/, "всегда" существовавшему в русском прошлом, а неоднократно отмечавшийся интерес к фольклору Тредиаковского, Сумарокова и вообще русской литературы 30-х - 40-х годов⁴⁰ - интерес к русскому "несозданному", всегда существовавшему и потому образцовому.

При этом как Ломоносов, так и Тредиаковский ссылаются на прошлое, реконструированное ими самими⁴¹, ибо это прошлое не историческое, но мифологизированное. В этом смысле русский XVIII век, противопоставляя себя допетровскому времени, продолжал его традиции, утверждая, что "движение вперед есть возврат к утраченной правде"⁴². Документальные тексты оказывались здесь в весьма сложной ситуации: 1/ Они были нужны как описание вре-

мен прошедших. Документальными свидетельствами о прошедшем оказывались Истории, основанные на документах, рассказывающие о пути России к конечному совершенству. 2/ Они не были нужны как рассказ о жизни частного человека, ибо человек - лишь исполнитель "вечной" воли. И поэтому в центре Записок 30-50-х годов XVIII века никогда не оказывается их автор, но всегда - мифологизированное прошлое, а отсутствие русскоязычных собственно-мемуарных текстов в 30-50-е годы можно рассматривать как закономерное следствие всего хода российской жизни этой поры.

Вместе с тем, мифологизированное прошлое не выглядит в документальных повествованиях как связанная и целостная картина. Это, скорее, фрагменты действительности. Дело и не может обстоять иначе, так как личностный элемент в воспоминаниях-путешествиях, дневниках и записях летописного типа первой половины XVIII века все-таки присутствует, а представить целостную картину мира в состоянии лишь вполне "надличностный" текст.

В этой ситуации вполне естественным выглядело и то, что "фрагментарные", "внутренне неорганизованные" документальные тексты любого типа включались современниками в бытующую жанровую систему, вполне оформившуюся, замкнутую и "конечную". Для человека первой половины XVIII столетия подобные тексты были всего лишь "сырьем", подготовительным материалом для будущих описаний совершенного мира.

СНОСКИ

- ¹И. Кен, Открытие "я", "Новый мир", 1977, № 8, с. 190
- ²Цит. по: И. Чистович. Феофан Прокопович и его время, Спб. 1868, с. 123
- ³Б. И. Куракин, Жизнь ..., Спб. 1890, с. 278
- ⁴В дальнейшем мы неоднократно будем использовать понятие "классицизм", которое явится своего рода точкой отсчета при рассмотрении нами явлений культуры и литературы.
- ⁵Смотри, например, объяснение причин, побудивших к созданию Духовного регламента, /Духовный регламент. Москва 1804, с. 1/
- ⁶Пункт 7-й таблицы о рангах утверждал: "Все звужние жены поступают в рангах по чинам мужей их, и когда они тому противно поступят, то имеют штраф заплатить такой же, как бы должен платить муж ее за свое преступление /.../ имеют все девицы, отцы которых в первом ранге, пока они замуж не выданы, ранг получать над всеми женами, которые в 5-м ранге обретаются, а именно, ниже генерал-майора, а выше бригадира; а девицы, которых отцы во втором ранге, над женами, которые в 6 ранге, т.е. ниже бригадира, а выше полковника ..." /Памятники по истории русского права, вып. УШ, Москва 1961, с. 186/
- ⁷Сравни с требованием Прокоповича в его примечаниях к Истории императора Петра ... чтобы "в истории по нынешнему случаю лучше переправить реляции о действиях, где сам государь присутствовал, журналом его собственным" /цит. по: Чистович И. ...

с. 122/, которое может быть интерпретировано как стремление к созданию наиболее "правильного" текста.

⁸И. А. Чернов, Из лекций по теоретическому литературоведению, Тарту 1976, с. 29

⁹В смысле язык "культуры".

¹⁰В этом смысле логично возникновение в XVIII веке легенды, согласно которой Ломоносов был побочным сыном Петра 1. Эта легенда " для современников относительно "высокое" положение Ломоносова и обосновывала его право писать.

Целесообразно вспомнить здесь, как князь Голицыну на следствии вменялось в вину, что он обучил письму крепостных, а он, оправдываясь говорил, что крепостные были всего лишь переписчиками.

Для Татищева "писанным" или "письмом" было священное писание, то есть текст, содержащий истинные утверждения, а "книга" - синоним "вечного" текста, библии. /В. Н. Татищев, Разговор о пользе наук и училищ, Москва 1887, с. 133/

¹¹Блез Паскаль, Мысли; Франсуа де Ларошфуко, Максимы; Жан де Лабрюйер, Характеры, Москва 1974, с. 165

¹²В. Кежинов, Происхождение романа, Москва, с. 193

¹³См., например, первую фразу татищевской Истории: "История есть слово греческое ..." /В. Н. Татищев, История российская, т. 1, Москва-Ленинград 1962, с. 79/; или у Сумарокова в его Наставлении хотящим быть писателями: "Таков нам надобен язык, как был у греков, какой у римлян был /.../ каков в прошедший век прекрасен стал французский ..." /А. П. Сумароков, Избран-

ные сочинения, Ленинград 1957, с. 134

- ¹⁴ История русской литературы в трех томах, т. 1, Москва-Ленинград 1958, с. 376
- ¹⁵ О заимствованном характере поэтики Прокоповича см.: В. П. Вомперский, Стилистическое учение Ломоносова и теория трех стилей, Москва 1970, с. 79-80 и далее
- ¹⁶ Подобная ситуация не исключала, естественно, вполне органического усвоения силлабки русской культурой, которое произошло, как приказал А. М. Панченко, еще в ХУП веке, /см.: А. М. Панченко, Русская стихотворная культура ХУП века, Ленинград 1973, с. 277/
- ¹⁷ О своеобразии повестей петровского времени см.: В. П. Забродченко, Лексика русских повестей первой трети ХУШ века, Москва 1956 /кандидатская диссертация/; Б. А. Маргарян, Словарный состав повестей петровского времени, Москва 1956; П. Н. Берков, О так называемых "петровских" повестях, Труды отдела древнерусской литературы, т. УП, Ленинград 1949
- ¹⁸ В русской культуре петровской поры очень отчетливо прослеживается противопоставленность фольклора /не нормативная форма/ "литературе", и в этом смысле показательно распространение в фольклорных жанрах антипетровской темы /см. об этом подробно: К. В. Чистев, Русские народные социально-утопические легенды, Москва 1967, с. 91-124/
- ¹⁹ Об этом подробно: Истоки русской беллетристики, Ленинград 1970, с. 450-562
- ²⁰ Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, Споры о языке в начале XIX

века как факт русской культуры. Труды по русской и славянской филологии, Ученые записки Тартуского университета, т. XXIУ, вып. 358, Тарту 1975, с. 179

²¹Стремление канонизировать Петра особенно ощущалось в конце 20-х - 30-е годы XVIII века.

²²Сравни с высказыванием Декарта о том, что "Бог, сотворив определенное количество материи и движения и установив законы природы, удалился от дел" /цит. по: Дорфман, Всемирная история физики, Москва 1974; с. 235

²³В. Н. Татищев, История российская, т. 1 Москва - Ленинград 1962, с. 86

²⁴О полковнике Павле Леонтьевиче Полуботке /1660-1724/ см.:
А. М. Лазаревский, Павел Полуботок, Очерк из истории Малороссии XVIII века, "Русский архив", 1880, кн. 1, с. 137-209;
Н. И. Костомаров, Павел Полуботок, "Русская старина", 1876, т. XV, с. 500-525

²⁵Я. А. Маркович, Дневные записки малороссийского подскарбия генерального, ч. 1, Москва 1859, с. 64

²⁶Там же, с. 75

²⁷Там же, с. 59

²⁸Там же, с. 77

²⁹Записки Василия Александровича Нащокина, Спб. 1842, титульный лист.

³⁰Дневник курского помещика И. П. Анненкова. Материалы по исто-

рии СССР, т. У, Документы по истории XVIII века, Москва 1957, с. 697

³¹В. К. Тредиаковский, Три разсуждения о трех главнейших древностях российских, Спб. 1773, с. 25

³²Ср. с библейской формулой: "Вначале было слово".

³³В. К. Тредиаковский, ук. соч., с. 1

³⁴Там же, с. 192

³⁵Там же, с. 44

³⁶Л. В. Пумпянский, Тредиаковский. История русской литературы, т. III, Москва-Ленинград 1941, с. 254

³⁷Термины "чистить", "вычистить" очень широко использовались литераторами XVIII века. "Очистить мысль", "очистить слог" значило - избавить их от последующих наслоений, вернуть первоначальную ясность и красоту.

³⁸А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. 7, Москва - Ленинград 1949, с. 28

³⁹Л. В. Пумпянский, Кантемир. История русской литературы, т. III. Москва - Ленинград 1941, с. 203

⁴⁰А. Н. Пыпин, История русской литературы, т. III. Спб. 1903, с. III; П. Н. Сакулин, Русская литература, ч. II, Москва 1929, с. 108; М. К. Азадовский, История русской фольклористики, Москва 1958, с. 47-52

⁴¹Литературная полемика 30-50-х годов XVIII века в значительной степени связана с проблемами "правильности" реконструкций.

⁴²Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, Роль дуальных моделей в динамике русской культуры /до конца XVIII века/, Ученые записки Тартуского университета, т. XXVIII, вып. 414, Тарту 1977, с. 20

PISANE PO ROSYJSKU UTWORY DOKUMENTALNE W KONTEKŚCIE
KULTURY ROSYJSKIEJ PIERWSZEJ POŁOWY XVIII STULECIA

Streszczenie

Przedmiotem zainteresowania autora artykułu są utwory o charakterze dokumentalnym, napisane w języku rosyjskim w okresie panowania Piotra I i powstałe w atmosferze stworzonej dzięki jego poczynaniom. Analizując prace księcia Kurakina, J. Markowicza, I. Annienkova oraz W. Trediakowskiego badacz stara się określić znaczenie tego typu piśmiennictwa dla rozwoju kultury rosyjskiej.

RUSSIAN-LANGUAGE DOCUMENTARY PRODUCTION AND THE CULTURE
OF RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY

Summary

The basis of the author's considerations are documentary works written in Russian during the reign of Peter the First. The texts of prince Kurakin, J. Marković, I. Annenkov and V. Trediakovskij are analysed and an attempt is made to show the role of such literature in the development of the Russian culture.